
СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПРОЯВЛЕНИЯ КРИЗИСА И ДВИЖЕНИЕ К ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Е.В. Нехода, З.Е. Сахарова

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050

Автор рассматривает проблему кризиса в современной экономической науке, анализирует проявления кризиса в экономической теории. Выделяются основные проблемы в области монополизации экономической теории «неоклассическим направлением», делается акцент на недостаток и фрагментарность междисциплинарных исследований, «математизацию» экономического и социального знания, наличие множества разрозненных теорий и концепций, затрудняющих исследование социально-экономических систем, методологические просчеты модернизационных процессов в России. Анализируются направления научных исследований, основанных на методологии социализации и гуманизации экономики и трудовой деятельности.

Ключевые слова: кризис, кризис экономической науки, гуманизация экономики, социализация труда и трудовых отношений.

Дискуссия о фундаментальных причинах мирового кризиса 2008—2010 гг. и кризиса в экономической науке остается одной из самых актуальных в зарубежных и российских исследованиях. Особое место в научных исследованиях занимает анализ кризисных процессов в условиях глобализации. По мнению большинства ученых, первому кризису мировой экономики в XXI в. сопутствовал продолжающийся с конца XX в. кризис экономической науки, в частности экономической теории как методологической основы экономического мышления, понимания базовых категорий рыночной экономики, использования того или иного инструментария при формировании и реализации макроэкономической политики государства (политика на рынке труда и направления социальной защиты, кредитно-денежная политика, бюджетно-налоговая политика, антиинфляционная политика).

Для объяснения причин мирового экономического кризиса все чаще стали использоваться различные теории и концепции, основанные на технологическом детерминизме, как уже устоявшиеся в экономической науке, так и появившиеся в России в последнее десятилетие. Экономисты, социологи и футурологи используют такие определения современного этапа общественного развития, как «постцивилизация» (К. Боулдинг), «технотронное общество» (З. Бжезинский), «телематическое общество» (Дж. Мартин), «супериндустриальное общество» (О. Тоффлер), «информационное общество» (Р. Айрис, Д. Белл, Е. Масуда и др.), «программированное общество» (А. Турен), «посткапиталистическое общество» (Р. Дарендорф); «смена технологических укладов» (С. Глазьев), «подъем новой длинной волны кондратьевского цикла» (М. Хитрук, В. Дементьев), «инновационная пауза» (В. Полтерович), «парадигмальный сдвиг» (К. Перес).

В России стали весьма популярными термины «новая экономика» и «экономика, основанная на знаниях». При объяснении сущности нового этапа общественного развития внимание концентрируется на ключевых изменениях на уровне производства (наукоемкие продукты), уровне организационных структур компаний (появление институциональных инноваций в виде коммуникационных сетей и сетевых структур), финансах (осуществление рискованных инвестиций). В целом, отмечается процесс виртуализации экономики и намечается общая тенденция объяснять причины мирового кризиса несоответствием наметившихся изменений и сложившихся подходов в управлении макроэкономическими процессами, процессами на уровне рынков и организационных структур компаний.

Безусловно, все вышеперечисленные основания имеют место, и было бы неверным игнорировать беспрецедентное развитие и использование информационно-коммуникационных технологий, усиление процессов интеграции и кооперации, качественные изменения конкуренции и конкурентной среды (от агрессивной враждебной борьбы и гонки за лидером к коэволюции и сотрудничеству), ускорение технологических инноваций, нелинейность развития, изменение позиции человека в обществе и многое другое. Но является бесспорным и то, что подобные трансформации обнажили «изъяны» экономических и социальных наук в объяснении большинства феноменов современной фазы развития и продемонстрировали проявления кризиса в самой науке.

Итак, каковы проявления кризиса в экономических и социальных науках в целом?

Во-первых, монополизация экономической теории и экономического образования «одной экономической доктриной», которой стало «неоклассическое направление» — доминирующее течение экономической мысли («мейнстрим»). В первом номере журнала «Экономист» за 2012 г. вышла статья А. Московского «Почему студенты Гарварда против лекций Г. Мэнкью», в которой автор дает подробный анализ содержательной и предметной бедности «неоклассики», абстрактности основных положений, разрыва теории и практики; ухода исследований от реальности и «применения математики как основы методологии экономического анализа» [1. С. 77].

Подавляющее большинство ученых признают принцип экономического индивидуализма изжившим, не включающим в сферу экономического анализа личностные характеристики человека, коллектива и общества. Современная трудовая (в частности, научная) деятельность, производство знаний представляются прежде всего коллективными и невозможны без этической составляющей совместного трудового процесса, без создания уважительной и доверительной атмосферы в отношениях между людьми, без проявления лучших человеческих качеств. Знания по своей сущностной характеристике связаны с личностью человека, так как преломляются в его сознании, умственной творческой деятельности. Выдающийся американский ученый Ф. Махлуп отмечал, что производство знаний не заканчивается, пока они не стали достоянием других людей.

Более того, методология мейнстрима совершенно неспособна объяснить многообразие форм и систем хозяйствования, наличие исторических альтернатив,

влияние социокультурных факторов [2]. Связанно это, во-первых, с тем, что сама социально-экономическая система существенно изменилась, т.е. сам объект исследования, экономика, все больше усложняется. Как справедливо отмечает А. Сидорович, следствием такого усложнения является многообразие национальных моделей и типов хозяйственных систем, что выражается в «увеличении числа направлений, школ и подходов к изучению экономики» [3. С. 40].

Во-вторых, научные исследования носят фрагментарный характер, отсутствуют серьезные междисциплинарные исследования. В частности, Е. Балацкий указывает на то, что «данный эффект связан прежде всего с формированием множества относительно мелких ячеек в научном сообществе, которые между собой мало контактируют, а иногда и просто игнорируют друг друга. Таким образом, наука становится достаточно разрозненной и ее части слабо связаны друг с другом. Иными словами, теряется системность науки» [4. С. 14].

Справедливости ради надо отметить, что новая экономическая социология, возникшая на рубеже 1970—1980 гг., оказалась очень продуктивной в теории организаций, социологии рынков труда, социологии потребления и возникла именно в ответ на неспособность доминирующей экономической теории объяснить те или иные сферы жизни. Хорошо известны основные положения экономической социологии в процессе анализа рынка труда и выделения его существенных отличий от других рынков. Основные отличия касаются уникальности самого труда и человека, вступающего в отношения с работодателем. Таким образом, экономическая социология рынков труда и отношений между работниками и работодателями, складывающихся на рынке, делает акцент на том, что большую роль в этих отношениях играют не денежные аспекты, а социальные отношения, связанные прежде всего с удовлетворением потребностей работников. Эти потребности не детерминированы лишь инструментальной ценностью труда (труд как один из источников дохода), в процессе деятельности человек получает и уникальные возможности для личностного развития и самореализации.

Однако и в самой экономической социологии становление новых подходов идет с большими трудностями. Так, Р. Сведберг, один из теоретиков экономической социологии, указывает на дефицит новых идей, подходов и концепций [5]. Еще в 1985 г. фундаментальное значение имела статья М. Грановеттера «Хозяйственное действие и социальная структура: проблема укоренности», в которой автор подчеркивал необходимость принятия в расчет при объяснении хозяйственных действий и решений их укоренность в социальной структуре [6]. Он также указывал и на то, что экономисты игнорируют иррациональность человека — человек не столь рационален, как утверждает экономическая теория. Особенно это проявляется в хозяйственных решениях в условиях неопределенности.

Сегодня нужно пойти дальше, не противопоставлять, например, экономическую теорию и экономическую социологию в плане наличия собственного предмета и инструментария.

В-третьих, «пассивность» научных исследований, фокусирующихся на традиционных теориях и концепциях, только подтверждает разрыв теории и практи-

ки. Сегодня как никогда нужны «активные» научные исследования, которые инициировали бы саму науку на поиск новых методологических подходов, а политиков и бизнес — на конкретные действия.

По мнению ряда ученых, наиболее важным сегодня является не столько научный плюрализм и множество разрозненных теорий и концепций (хотя их значения никто не подвергает сомнению), сколько их органическое соединение в понимании того, куда движется система, в каком направлении она эволюционирует [4; 7; 8]. Таким образом, исследования указывают на то, что в теориях и концепциях нужно прежде всего исследовать и выделять основной вектор развития, изменений, широко использовать научный синтез, больше внимания уделять контексту и учитывать особенности конкретной ситуации.

Современная экономическая наука должна содержать, таким образом, самые важные общие принципы и методологические подходы, а не базироваться на множестве малопродуктивных теорий, при анализе которых каждый из последующих исследователей находит «методологические изъяны» и посредством научной дискуссии и полемики вводит новые факторы, классификации, признаки. Например, профессор Университета Исландии Т. Эггертсон отмечает, «что пока новая институциональная теория стремилась понять, как работают институты, а мейнстрим — как накапливается капитал, вопрос о том, каким образом новые знания влияют на экономический рост, оставался малоизученным» [8. Р. 138].

В-четвертых, в экономическом и социальном знании доминируют математические методы, являющиеся следствием доминирования «неоклассики». Мы разделяем позицию Д. Фролова относительно того, что «базирующиеся на мощных статистических массивах и передовых компьютерных технологиях эмпирические исследования не привели к выявлению универсальных закономерностей, которые могли бы стать основой теоретических построений. Причем результативность моделей порой сильно зависит даже от небольших вариаций их допущений. Изящность и убедительность математической „упаковки“ неоклассических экономических конструкций искусно вуалируют их содержательную аморфность и прогностическую дисфункцию» [7. С. 17].

Вот что по этому поводу пишет Е. Балацкий: «Как известно, все эконометрические расчеты тестируются. Но при этом все тесты проходят лишь на определенном уровне значимости; о полной достоверности в статистике не может быть и речи. Например, если уровень значимости равен 99%, то, грубо говоря, это означает, что полученная зависимость работает в 99 случаях из 100. На первый взгляд, в этом нет ничего страшного. Но такой подход неявно предполагает, что в исходной выборке есть некая малая группа, которая не подчиняется построенной модели, а живет по каким-то иным законам. С точки зрения уяснения основополагающих закономерностей такой подход вполне правомерен, но с точки зрения эволюции — нет. Дело в том, что за формирование вектора эволюции и генерирование неких базовых инноваций всегда отвечает чрезвычайно малая часть людей (компаний, стран и т.п.). Именно эти единицы продвигают мир в новое состояние. Массы же служат лишь в качестве пассивного и ведомого элемента социальной системы и сами по себе ничего не решают. Таким образом, эконометрика улавли-

вает закономерности в больших, но второстепенных группах, абстрагируясь от рассмотрения малых, но ключевых когорт. Можно сказать, что эконометрика изучает некий социальный и технологический фон общества, отвлекаясь от рассмотрения его ядра» [4. С. 28—29]. По мнению автора, современный математический аппарат, используемый в экономике, совершенно не учитывает эффект «малых групп», являющихся главной движущей силой любой эволюции и коренных изменений в системе.

Ряд исследователей отмечают и кризис системного анализа, поскольку современная экономика и изучаемые явления — многофакторные и многомерные. В свое время на это еще указывал В. Полтерович [9]. Современная социально-экономическая система настолько сложна, что описать ее моделями с ограниченным набором переменных, учесть все «входы» и «выходы», факторы, выделить элементы и идентифицировать все связи между ними практически невозможно. Скорость происходящих изменений и их качество, ставшие перманентными в социально-экономических системах, делают проделанный анализ малопродуктивными для хоть сколько-нибудь отдаленных стратегических перспектив, впрочем, как и для текущих прогнозов.

Эти и многие другие обстоятельства выступают аргументом «за» контекстность первоначальных исследований. Конечно, мы не стоим на позиции отрицания системного анализа и того, что его роль исчерпана в экономических исследованиях, равно как и математического инструментария. Но, по всей видимости, они должны быть переосмыслены на новом качественном уровне.

В-пятых, экономический рост представляется большинству теоретиков и практиков главной целью развития и средством решения многочисленных проблем для развивающихся стран. Однако уже начиная с 1970-х гг. стали появляться исследования, базирующиеся на понимании того, что жизненный стандарт человека не вписывается в рамки традиционной экономической науки и есть компоненты, которые нельзя купить за деньги. Именно на этих положениях базируется концепция «качества жизни» и расчет индекса человеческого развития (ИЧР). И. Гришин и многие другие исследователи отмечают возрастание значимости социальной среды в жизни человека, организации, национальной экономики [10], а показатель ВВП как основной макроэкономический индикатор должен быть дополнен показателями социального развития и субъективными показателями восприятия человеком его среды обитания (трудовая жизнь, семейные ценности, природная среда).

Выдающийся американский экономист Нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц в одном из своих выступлений сделал акцент на том, что для оценки экономического состояния нужно больше сосредоточиваться на уровне жизни каждого человека. По мнению Дж. Стиглица, последние годы мир с нездоровым интересом следил за ростом ВВП, т.е. за количеством товаров и услуг, которое производит экономика. Поглощенность этим единственным индикатором заставила проглядеть другие важные факторы — такие как социальная цена безработицы и воздействие загрязнения окружающей среды на здоровье нации. Банкам было разрешено выда-

вать огромные суммы как бы для «подслащивания» сегодняшнего дня в залог завтрашнего, тем самым готовилась площадка для самого серьезного кризиса с 1930-х гг. [11]. На международном общественном форуме «Диалог цивилизаций» (октябрь 2008 г., Родос, Греция) отмечалось, что экономический кризис — лишь верхушка проблем, с которыми столкнулась мировая экономика в условиях глобализации. Указывалось на то, что идеология общества потребления изжила себя и помимо осязаемой материальной задачи накормить население планеты перед «устроителями» нового мирового устройства стоит поистине духовная задача: поиск новой системы координат общественного устройства [12].

Наконец, до сих пор в экономической науке доминирует дилемма: экономическая эффективность или социальная справедливость, в связи с чем «провалы» рынка традиционно компенсирует государство. Десятки лет политика развитых стран основывалась на поиске компромисса между социальным развитием и экономической эффективностью. Пока все еще не существует единой концепции, которая задала бы общий ориентир бизнесу и обществу, а потому каждая компания по-своему трактует понятие ответственности перед обществом и отводит социальным проблемам далеко не главное место.

Анализ проявлений кризиса в экономической науке можно продолжить, но мы не ставили своей целью представить исчерпывающую их характеристику. Нам представлялось важным сделать акцент на основных составляющих кризиса и методологических просчетах при выборе направлений развития России. Следует подчеркнуть, что опора России на ресурсную модернизацию, ориентация лишь на экономические и технологические модели развития, инвестирование в точечные проекты типа «Сколково» не предполагают каких-либо серьезных изменений в социальной структуре общества и его ценностных составляющих. Социокультурные и гуманистические критерии по-прежнему не рассматриваются российской бизнес-элитой и правительственными кругами как неотъемлемые составляющие современного этапа экономических и технологических преобразований.

Таким образом, ориентация российской экономики лишь на технологическую модернизацию и высококонкурентную экономику является тупиковым путем и ведет к разжиганию и обострению социальных конфликтов, острейшей конфронтации, недоверию общества к власти и бизнесу, истощению всех ресурсов. Более того, в России сегодня нарастают нерешенные социальные проблемы, падает ценность трудовой деятельности и трудовой морали, наблюдается низкая удовлетворенность работников своим трудом, отсутствуют ярко выраженные интересы государства, бизнеса и работников в системе общественных отношений.

Необходимо подчеркнуть, что основной вопрос для России состоит не в том, быть ей или не быть высокоразвитой рыночной страной, а в том, какую общественную модель реализации гуманистических ценностей она выберет. Большинство авторов сходятся во мнении, что России не подходит модель, навязываемая со стороны развитых стран, и поэтому ей следует строить альтернативную модель. Так, Д. Петросян предлагает ввести в рассмотрение при определении будущего общества наряду с экономическими и технологическими признаками и такой социальный

признак, как социальная безопасность, и использование для развития России концепции гуманистической экономики, ставящей своей целью повышение эффективности экономической деятельности за счет активизации личностно-квалификационных и нравственно-этических факторов [13; 14]. Профессор В. Бобков предлагает «разработать и принять социальную доктрину России, опирающуюся на национальную и культурную идентичность ее народов и ориентирующую развитие нашей страны на ее вхождение в число стран — лидеров по ключевым показателям качества и уровня жизни» [15. С. 16]. При этом в качестве важнейшей предпосылки социальных преобразований, по мнению автора, является осуществление концептуальных социальных изменений как «главного условия вхождения России в число конкурентоспособных социальных государств» [15. С. 16].

Настоящая статья носит постановочный характер, и ее цель — обозначить методологическую основу и направления развития экономических наук, экономической теории в частности. Основные положения и выводы были сделаны в том числе и на основе представленного выше анализа.

Основной гипотезой выступает положение о том, что основной вектор развития экономической теории должен базироваться на методологии социализации и гуманизации экономики, труда и отношений, складывающихся между людьми в процессе трудовой деятельности. Человек как основа, цель и высшая ценность должен занять достойное место в исследовании феноменов, тенденций, признаков современного этапа общественного развития. Нам представляется, что дальнейшее развитие экономики и производства все более тесным образом связаны именно с развитием человека. В настоящее время как никогда «четко обозначаются социальная природа человеческой личности, самоценность труда и его смысл в радости от работы, а не просто в материальной выгоде и заработке» [16. С. 145].

Под социализацией экономики, труда и трудовых отношений мы понимаем объективный эволюционный процесс осознания и признания в экономике, трудовой деятельности и отношениях, связанных с ней, ценности личности и личностных качеств человека-работника, что обуславливает необходимость равноправия и взаимной ответственности субъектов этих отношений, основанных на принципах гуманизма, солидарности, сотрудничества и кооперации, этичности, доверия; предполагает взаимную ответственность субъектов по согласованию интересов и удовлетворению потребностей.

Методология, основанная на понимании сути процессов социализации и гуманизации, позволяет обозначить следующие направления научных исследований.

1. Формирование концепции общих ценностей, которая исходит из того, что рынки формируются не только экономическими, но и социальными потребностями. Согласно данной концепции слабость общества, его проблемы непосредственно сказываются на эффективности государства и бизнеса. Непроизводительные затраты энергии или сырья, техногенные катастрофы, дополнительное профессиональное обучение, восполняющее изъяны образования, трудовой оп-

портунизм граждан — вот лишь несколько примеров. Общие ценности — это не ценности конкретных людей. Это принципы и методы работы, которые усиливают конкурентоспособность компании и одновременно улучшают экономические и социальные условия тех регионов, в которых она работает. Создание общих ценностей предполагает выявление связи между общественным и экономическим прогрессом и ее укрепление. Согласно этой идее к общественному и к экономическому прогрессу нужно подходить с единой системой ценностей. Создаваемая ценность понимается уже не просто как выгода, а как выгода за вычетом наносимого ущерба.

На идее общих ценностей основан целый ряд новых эффективных методов работы, на которые необходимо переходить как бизнесу, так и государству. Кроме того, эта идея должна стать неотъемлемой частью стратегии. Суть стратегии в том, чтобы занять особое положение на рынке и выстроить цепочку создания стоимости, которая позволит удерживать эти позиции. Идея общих ценностей помогает понять, какие потребности остаются не удовлетворенными, какие новые продукты нужны людям, каких новых потребителей стоит охватить, вновь отладить цепочку создания стоимости. Конкурентные преимущества, которые дает учет интересов общества, наверняка окажутся более надежными и долгосрочными, чем обычное снижение затрат и повышение качества.

Концепция общих ценностей позволяет по-новому взглянуть на многие из изучаемых в университетах дисциплины: так, в маркетинге необходимо перейти от методов влияния на покупателей и создания спроса к изучению более глубоких потребностей людей и методов обслуживания еще не охваченных потребительских сегментов; курсы государственного регулирования должны давать навыки реализации проектов, знакомить студентов с экономической составляющей социальных процессов, а не только с основами регулирования бизнеса и макроэкономики; будущие финансисты должны знать, что фондовые рынки призваны помогать создавать стоимость (ценность), а не просто приносить выгоду своим игрокам и т.д.

2. Анализ трансформаций и составляющих современного этапа общественного (социально-экономического) развития. Только глубинное понимание причин изменений в экономике и трудовой деятельности позволяет обосновать возрастающую значимость человека, его личных качеств, становящихся неотъемлемым атрибутом профессиональных требований, осознать истинное значение категорий «человеческий потенциал», «человеческий капитал», дает возможность уйти от идеологических лозунгов, эксплуатирующих «человеческий фактор», и скорректировать цели развития на всех уровнях и способы их достижения.

3. Развитие социальных технологий и их взаимоувязка с производственными технологиями, развитие на этой основе институциональной среды, формирующей устойчивые модели поведения хозяйствующих субъектов. Необходимо четко понимать, что любая продукция сегодня — информация, знания, товары, услуги — есть синтез и результат применения производственных и социальных технологий. Более того, включение социокультурного контекста в экономические

исследования позволит эффективнее «экспортировать» институты из одной страны в другую, адаптировать накопленный мировой опыт.

Оценка эффективности самих институтов, отражающих в том числе процессы социализации и формирующих нормы и линии поведения хозяйствующих субъектов, должна оцениваться не только и не столько по тому, насколько они успешно обеспечивают развитие и удовлетворение потребностей человека, сколько по тому, насколько способствуют его вовлечению в процесс самостоятельной деятельности, трудовой в частности. Отсюда — постановка новых вопросов методологии социализации и гуманизации экономики, например: каким образом работник, успешно действующий в одной технологической системе (в эпоху массового производства) и социокультурной среде, способен также эффективно трудиться в новых условиях; осознают ли хозяйствующие субъекты масштабность происходящих социальных изменений, и в каком направлении должны развиваться институты; готовы ли субъекты к усвоению новых социальных ролей и образцов поведения, позволяющих претендовать на определенные социальные позиции и приобретение соответствующих социальных статусов?

4. Пересмотр существующих концепций и системы взглядов на социальные функции фирмы, аргументация объективного взаимодействия и взаимозависимости социального и экономического в деятельности бизнеса (корпораций). Признавая гуманизацию и социализацию общественных, трудовых, отношений в качестве основного вектора социально-экономического развития современности, необходимо отметить, что именно эти обстоятельства, а не только политические, идеологические и даже религиозные намерения корпораций приводят к серьезному пересмотру отношений между трудом и капиталом, дилеммы «экономическая эффективность или социальная справедливость». Современный работник, в том числе и в сфере материального производства, — «дорогостоящее удовольствие», такая ценность, вокруг которой разворачивается система социальных услуг и социальных программ.

5. Изучение на этой основе принципиально новых результатов деятельности и исследование подходов к оценке эффективности социальной составляющей функционирования фирмы (экономического развития в целом). При определении интегрального критерия оценки эффективности и разработке системы социальных индикаторов необходимо учитывать, что эффективность не ограничивается соотношением результата к затратам. Следует различать, таким образом, следующие виды эффективности: результативность (эффективна та деятельность, которая позволяет достичь желаемых результатов); целесообразность (эффективна та деятельность, которая позволяет решить социальные проблемы); экономичность (эффективнее та деятельность, которая позволяет получить результат с наименьшими затратами).

В заключение отметим, что если в основу экономического императива развития общества, в том числе и трудовой деятельности, заложен принцип личной выгоды, а основой успеха является благосостояние, то в основе социального ле-

жат гуманистические, этические, морально-нравственные нормы. Это позволяет формировать новую социальную среду для совместной трудовой деятельности, новую этику трудовой жизни, новое «качество жизни». Последнее предопределяет «социализацию труда» и «означает самостоятельное мышление и нестандартное творческое отношение к работе как основной критерий профессионального требования» [17. С. 97].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Московский А.* Почему студенты Гарварда против лекций Г. Мэнкью // *Экономист*. — 2012. — № 1. — С. 74—82.
- [2] *Бельская Г.С., Чувакина В.С.* Позволяет ли «мейнстрим» адекватно отражать российскую экономику // *Вестник Томского государственного университета. Серия «Экономика»*. — 2010. — № 1. — С. 5—9.
- [3] *Сидорович А.* О взаимосвязи экономической теории и стратегии государства // *Экономист*. — 2008. — № 11. — С. 38—43.
- [4] *Балацкий Е.* Кризис социальных наук в свете развития рынков // *Общество и экономика*. — 2010. — № 5. — С. 14—35.
- [5] *Swedberg R.* Max Weber's Interpretive Economic Sociology // *American Behavioral Scientist*. — 2007. — Vob. 50. — No 8. — P. 1035.
- [6] *Грановеттер М.* Хозяйственное действие и социальная структура: проблема укоренности // *Экономическая социология*. — 2002. — Т. 3. — № 3. — С. 44—58.
- [7] *Фролов Д.* Теория кризисов после кризиса: технологии versus институты // *Вопросы экономики*. — 2011. — № 7. — С. 17—33.
- [8] *Eggertsson T.* Knowledge and the Theory of Institutional Change // *Journal of Institutional Economics*. — 2009. — Vol. 5. — No 2. — P. 137—150.
- [9] *Полтерович В.М.* Кризис экономической теории // *Экономическая наука современной России*. — 1998. — № 1. — С. 52—63.
- [10] *Гришин И.* Человеческое развитие: количественное измерение и процессы в мировой системе // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2010. — № 7. — С. 102—114.
- [11] *Сейранян Т.* Дж. Стиглиц: нездоровый интерес к динамике ВВП привел к кризису. — URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/2009/09/23/844148> (Дата обращения 17.03.2012 г.)
- [12] *Гонтмахер Е.* Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // *Международная экономика и международные отношения*. — 2010. — № 10. — С. 3—11.
- [13] *Петросян Д.* Гуманистическая экономика и социальная справедливость // *Общественные науки и современность*. — 2007. — № 5. — С. 18—27.
- [14] *Петросян Д., Фаткина Н.* Экономический эгоизм и гуманизация экономики // *Вопросы экономики*. — 2010. — № 8. — С. 123—131.
- [15] *Бобков В.* К формированию социальной доктрины в России // *Экономист*. — 2008. — № 7. — С. 14—24.
- [16] *Фролов А.* «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко // *Вопросы экономики*. — 2010. — № 8. — С. 144—147.
- [17] *Мкртчян Г., Чистяков И.* Социальные аспекты рынка труда // *Общество и экономика*. — 1999. — № 9. — С. 94—99.

**MODERN THEORY OF ECONOMICS:
DEMONSTRATIONS OF CRISIS AND MOVEMENT
TO HUMANISTIC ECONOMICS**

E.V. Nekhoda, Z.E. Sakharova

National Exploratory Tomsk State University
Lenin avenue, 36, Tomsk, Tomsk region, Russia, 634050

This article poses a problem of crisis in modern economic science, the article also analyses demonstrations of crisis in economic theory. The main problems in the sphere of monopolization of economic theory by «non-classical vector» are drafted, the stress on the interdisciplinary's shortage and fragmentariness researches is put, mathematisation of economic and social knowledge, presence of variety of separate theories and concepts which hamper researches of socio-economic systems, methodological errors of retrofit processes in Russia. This article analyses the ways of scientific researches based on methodology of socialization and humanisation of economics and labor activity.

Key words: crisis, economic science's crisis, economics' humanisation, socialisation of labor and labor relationships.